

УДК 347

DOI: 10.34670/AR.2022.21.53.003

К вопросу о фикции как о приеме юридической техники

Исрепилова Лолита Руслановна

Аспирант,
Юридический институт,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355009, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: lolita260797@mail.ru

Аннотация

В рамках настоящей статьи рассмотрены актуальные аспекты понимания сущности правовых фикций как средства (приема) юридической техники. Раскрываются основные признаки правовых фикций, анализируется вопрос о соотношении правовых фикций с правовыми аксиомами и аналогиями в праве. Подвергнут критическому анализу о том, что правовые фикции призваны восполнять пробелы в действующем законодательстве. Отмечено, что отношения, урегулированные законодателем с помощью правовой фикции, не подлежат урегулированию иным способом, ввиду оптимальности именно этого средства юридической техники в определенных условиях. В связи с этим выдвинут тезис о том, что правовые фикции восполняют пробелы в правовой реальности, а не в законодательстве. Сделан вывод о значимости правовых фикций как инструментов законодателя, правильное использование которых является залогом эффективного и качественного правового регулирования. Правовая фикция представляет собой уникальное средство юридической техники, позволяющее определенным образом корректировать действительность для защиты различных интересов. Именно традиционный подход к ее сущности дает возможность раскрыть ее положительный правовой потенциал, выявить основные признаки, отграничить от иных явлений в праве, а также от смежных правовых категорий. Правовые фикции как средства юридической техники представляют собой незаменимые инструменты законодателя, правильное использование которых является залогом эффективного и качественного правового регулирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Исрепилова Л.Р. К вопросу о фикции как о приеме юридической техники // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 9А. С. 25-30. DOI: 10.34670/AR.2022.21.53.003

Ключевые слова

Правовая фикция, юридическая техника, норма, отношение, заведомая ложность.

Введение

Традиционно правовые фикции принято рассматривать в качестве средства (приема) юридической техники. В переводе с латинского «фикция» (*fictio*) означает «выдумка, вымысел». Средство юридической техники обозначает, с помощью чего достигаются цели правового регулирования, а категория «техничко-юридический прием» – как именно они достигаются. В данном контексте целесообразно рассматривать фикцию в качестве средства юридической техники, так как это понятие шире по своему содержанию, обозначая именно инструмент правового регулирования и включая в себя понятие «прием» как способ действия данного инструмента.

Основная часть

Рассмотрение признаков правовой фикции позволяет наилучшим образом раскрыть ее технико-юридическую сущность. Традиционно в юридической науке выделяют следующие признаки правовых фикций.

- 1) **Нормативность.** Правовая фикция закрепляется в нормах права или правовых позициях судебных инстанций. Из этого вытекают их формальность, законность и общеобязательность, которые иногда выделяются в качестве отдельных признаков. Представляется, что они охватываются понятием «нормативности».
- 2) **Заведомая ложность.** Данный признак оспаривается в юридической науке, так как некоторые правоведы говорят об относительной ложности фикции, полагая, что в некоторых случаях фикция может соответствовать действительности. В качестве примера этого заявляется возможность явки лица, объявленного умершим. Однако в данном случае речь идет не о фикции, а о презумпции, которая, естественно, обладает степенью вероятности. Выделение именно относительной ложности у правовой фикции не позволяет разграничить между собой фикции и презумпции (особенно неопровержимые). Если даже день смерти и день вступления в силу решения суда совпадут (что действительно очень маловероятно), это будет казус, исключение из правила, не будет отображать ни каких-то закономерностей, ни свойств правовых фикций. Поэтому, если пытаться как-то охарактеризовать ложность рассматриваемого правового явления, лучше говорить о заведомой ложности правовой фикции.

Однако не все считают оправданным использование понятия «ложности» применительно к характеристике правовой фикции, так как связывают его с понятиями «обмана», «притворства» и т.п. Например, А.М. Ширвиндт полагает, что объяснения фикции в категориях «истина/ложь», характеризующие концепции средневековых юристов, в настоящий момент являются устаревшими [Ширвиндт, 2011]. Но подобная трактовка в категориях «истина/ложь» не может устареть, так как указанные категории относятся к логике как науке, с точки зрения логики фикция является суждением, а каждое суждение как форма мышления выражает либо истину, либо ложь. Следовательно, если фикция не выражает истину, она выражает ложь.

- 3) **Неопровержимость.** Заведомая ложная фикции не предполагает по умолчанию возможность ее опровержения, которое не имеет в силу этого юридического значения.
- 4) **Императивность.** Данный признак включает в себя два подпризнака: категоричность, которая означает, что правовая фикция однозначно и без колебаний признает несуществующее явление существующим, и общеобязательность, которая выражается в

том, что правоприменительный орган обязан применить фикцию, несмотря на то что она не соответствует действительности. Свойство категоричности фикции охватывается признаком неопровержимости, поэтому не нуждается в выделении в отдельный признак. Общеобязательность вытекает из признака нормативности и адресована не только правоприменительным органам, а всем участникам соответствующих правоотношений. Признак императивности можно выделить по критерию обязательности для суда, так как подавляющее большинство фикции суд действительно обязан применять, но существуют фикции, которые суд может применять, исходя из обстоятельств дела, по своему усмотрению. В качестве примера можно привести фикцию, содержащуюся в ч. 1 ст. 135 Семейного кодекса РФ¹, согласно которой могут быть изменены дата и место рождения усыновленного ребенка, и фикция, закрепленная в ч. 1 ст. 136 Семейного кодекса РФ, в соответствии с которой родителями усыновленного ребенка в книге записей рождений могут быть записаны его усыновители.

- 5) Намеренная деформация действительности. Это важнейший признак правовой фикции, раскрывающий ее сущность, ее ключевую особенность, позволяющую выделять ее среди других средств юридической техники.
- 6) Цель применения – охрана различных интересов (личности, общества и государства). Цели применения правовых фикций в литературе иногда отождествляются с видами производимых ими деформаций, или с их функциями, или со свойствами правовых норм. Фикции применяются с целью вызвать определенные правовые последствия, но при этом противоречит сама себе, поскольку в качестве отдельного признака фикции выделяет цель ее применения и утверждает, что такие цели крайне разнообразны: процессуальная экономия, преодоление неопределенности в правовом регулировании, упрощение структуры фактических составов, формулирование юридических категорий и другие. Так как любая правовая норма устанавливается, чтобы вызвать определенные юридические последствия, в понимании фикции важнее указать, что она деформирует (корректирует) реальность именно с целью охраны различных интересов. Например, фикция, посредством которой устанавливается обратная сила уголовного закона (ст. 10 Уголовного кодекса РФ²), направлена на охрану интересов лиц, совершивших преступление, многие фикции, закрепленные в Уголовного кодекса РФ.

М.Н. Воробьева, исследуя фикции в конституционном праве, рассматривает их как универсальные средства юридической техники и подчеркивает их особую роль в механизме правового регулирования важнейших общественных отношений, но утверждает о необходимости предупреждать такое возникновение, поскольку оно несет негативные последствия для конституционно-правовой системы [Воробьева, 2013]. При этом данный автор не разграничивает понятия «правовая фикция как средство юридической техники» и «фиктивная норма».

Существует еще точка зрения, согласно которой фикция является средством заполнения пробелов в законодательстве [Исаев, 2012]. Правовые фикции восстанавливают разомкнутые логические связи в правопорядке, подчеркивая при этом, что с помощью фикции возможно лишь создать определенную иллюзорную правовую форму с целью экономии в правовом

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022).

регулировании, а не урегулировать общественные отношения непосредственно. Вместе с тем отношения, урегулированные законодателем с помощью правовой фикции, как правило, не подлежат урегулированию иным способом, ввиду оптимальности именно этого средства юридической техники в определенных условиях. Таким образом, фикция заполняет пробелы не в законодательстве, а в правовой действительности, замещая недостающий юридический факт, способствуя нормальному, безостановочному развитию общественных отношений.

Правовые фикции нуждаются в отграничении от сходных средств юридической техники. Актуальным вопросом является соотношение правовых фикций и правовых аксиом. По целому ряду признаков они различаются кардинальным образом. Фикции заведомо ложны, а аксиомы истинны. Фикции установлены для разрешения конкретной правовой ситуации, а аксиомы пронизывают всю правовую систему, имеют общеправовой характер и выступают в качестве фундамента для правовых норм. Фикции созданы законодателем и содержатся в нормах права, а аксиомы складываются в процессе практической деятельности людей и могут быть закреплены в законодательстве в том или ином виде, а могут и не найти отражения в нем.

Фикции и аксиомы юридически неопровержимы, при этом фикция, несмотря на постоянное фактическое опровержение, продолжает существовать, так как она и установлена именно для того, чтобы заведомо ложное объявлять истинным, а аксиома при многократном фактическом опровержении на практике перестает существовать в своем первоначальном виде и может стать, например, презумпцией. Общим признаком рассматриваемых правовых явлений в таком контексте можно назвать то, что они выступают моделями определенных юридических фактов. Таким образом, правовые аксиомы и правовые фикции схожи по форме, но различны по содержанию и по своей сущности.

Значимым вопросом также является соотношение правовых фикций и аналогий в праве. Е.Ю. Тихонравов полагает, что суды используют созидательные фикции при применении юридической аналогии, конструируя новое незаконное предписание по образцу существующей правовой нормы, регулирующий сходный случай (аналогия закона) либо посредством воплощения в нем идей, заключенных в правовых принципах (аналогия права) для преодоления пробелов в праве [Тихонравов, 2011].

Тем не менее, стоит отметить, что регулирование отношений по аналогии регламентировано им определенным образом и определяется именно как применение существующих норм, регулирующих сходные отношения (ч. 1 ст. 6 Гражданского кодекса РФ³), а не как конструирование новых юридических правил по образцу существующей нормы, поэтому применение аналогии судами не является их правотворчеством и не может представлять собой незаконное предписание. В связи с этим суды не изменяют правовую норму и не пытаются скрыть факт применения аналогии, тем более при помощи фикции. Если будет установлено, что суд применил по аналогии норму права, регламентирующую отношения, не являющиеся сходными с отношениями, подлежащими урегулированию в конкретном случае при отсутствии необходимой для них нормы, либо воспользовался аналогией при наличии законодательного урегулирования соответствующих отношений, либо иным образом применил законодательство по аналогии с нарушением законодательства (например, применил уголовный закон по аналогии, вопреки запрету, установленному ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса РФ), его решение будет отменено.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022).

Что касается распространения правового режима одних объектов на другие (в действительности не обладающих сходными свойствами), то в настоящее время это стало прерогативой самого законодателя, а не правоприменительных органов. Следует отметить, что не допускается также применение по аналогии норм, содержащих правовые фикции, так как такие нормы придают юридическое значение фактам, рассчитанным только на конкретные правоотношения, и предписывают правоприменителю определенный вариант оценки этих фактов. Итак, правовая фикция и аналогия в праве схожи своим общим назначением в правовом регулировании и в определенной степени механизмом действия, но при этом обладают существенными отличиями, заключающимися в их природе.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что правовая фикция представляет собой уникальное средство юридической техники, позволяющее определенным образом корректировать действительность для защиты различных интересов. Именно традиционный подход к ее сущности дает возможность раскрыть ее положительный правовой потенциал, выявить основные признаки, отграничить от иных явлений в праве, а также от смежных правовых категорий. Правовые фикции как средства юридической техники представляют собой незаменимые инструменты законодателя, правильное использование которых является залогом эффективного и качественного правового регулирования.

Библиография

1. Воробьева М.Н. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: предпосылки, особенности и значение // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 4 (10). С. 58-64.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022).
3. Исаев И.А. Юридическая фикция как форма заполнения правовых пробелов // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 35-37.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022).
5. Тихонравов Е.Ю. Созидательные фикции в практике законодательного санкционирования и судебного применения аналогии права и закона // Современное право. 2011. № 9. С. 48-51.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022).
7. Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
8. Thomasson A. L. If models were fictions, then what would they be // The scientific imagination. – 2020.
9. Tranter K. Living in technical legality: Science fiction and law as technology. – Edinburgh University Press, 2018.
10. Holmes O. W. The path of the law. – Good Press, 2020.

On the issue of fiction as a technique of legal technology

Lolita R. Isrepilova

Postgraduate,
Law Institute of North-Caucasus Federal University,
355009, 1, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: lolita260797@mail.ru

Abstract

Within the framework of this article, topical aspects of understanding the essence of legal fictions as a means (reception) of legal technique are considered. The main features of legal fictions are revealed, the question of the correlation of legal fictions with legal axioms and analogies in law is analyzed. Subjected to a critical analysis that legal fictions are designed to fill in the gaps in the current legislation. It is noted that the relations regulated by the legislator with the help of legal fiction are not subject to settlement in any other way, due to the optimality of this particular means of legal technique in certain conditions. In this regard, the thesis is put forward that legal fictions fill in the gaps in legal reality, and not in legislation. The conclusion is made about the importance of legal fictions as tools of the legislator, the correct use of which is the key to effective and high-quality legal regulation. Legal fiction is a unique means of legal technique that allows correcting reality in a certain way to protect various interests. It is the traditional approach to its essence that makes it possible to reveal its positive legal potential, identify the main features, distinguish it from other phenomena in law, as well as from related legal categories. Legal fictions as a means of legal technique are indispensable tools of the legislator, the correct use of which is the key to effective and high-quality legal regulation.

For citation

Isrepilova L.R. (2022) K voprosu o fiktsii kak o prieme yuridicheskoi tekhniki [On the issue of fiction as a technique of legal technology]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (9A), pp. 25-30. DOI: 10.34670/AR.2022.21.53.003

Keywords

Legal fiction, legal technique, norm, attitude, deliberate falsity.

References

1. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 25.02.2022)* [Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on February 25, 2022)].
2. Isaev I.A. (2012) Yuridicheskaya fiktsiya kak forma zapolneniya pravovykh probelov [Legal fiction as a form of filling legal gaps]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 5, pp. 35-37.
3. *Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 04.08.2022)* [Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on August 4, 2022)].
4. Shirvindt A.M. (2011) *Znachenie fiktsii v rimskom prave. Doct. Dis.* [The meaning of fiction in Roman law. Doct. Dis.]. Moscow.
5. Tikhonravov E.Yu. (2011) Sozidatel'nye fiktsii v praktike zakonodatel'nogo sanktsionirovaniya i sudebnogo primeneniya analogii prava i zakona [Creative Fictions in the Practice of Legislative Sanctioning and Judicial Application of the Analogy of Law and Law]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 9, pp. 48-51.
6. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 14.07.2022)* [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on July 14, 2022)].
7. Vorob'eva M.N. (2013) Fiktsii v konstitutsionnom prave Rossiiskoi Federatsii: predposylki, osobennosti i znachenie [Fictions in the constitutional law of the Russian Federation: prerequisites, features and significance]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 4 (10), pp. 58-64.
8. Thomasson, A. L. (2020). If models were fictions, then what would they be. The scientific imagination.
9. Tranter, K. (2018). Living in technical legality: Science fiction and law as technology. Edinburgh University Press.
10. Holmes, O. W. (2020). The path of the law. Good Press.